

прав детей, прав геев и т. д. И все это делается в целях подрыва авторитета правительства чужой страны, ограничения его властных полномочий. Таким образом, культивирование страха приобретает различные формы внутренней и внешней политики, причем чем сильнее государство, тем ярче проявляются эти формы. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением, что в современном мире исчерпала себя политика страха. Разумеется, она изменяет свои формы, но суть ее сохраняется. Как в домашнем воспитании все еще сохраняются щадящие формы силового воздействия, так и в обществе (как в большой семье) остаются свои приемы и методы силового и морального устрашения. И здесь нет различия между развитыми странами и странами третьего мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ См.: Гуляихин В. Н., Тельнова Н. А. Страх и его социальные функции // *Философия соц. коммуникаций*. 2010. № 10. С. 53–60.
- ² Гитин В. Г. Это жестокое животное – мужчина. Харьков, 1997. С. 68.
- ³ Цит по Шербатых Ю. *Психология страха: популярная энциклопедия*. М., 2000. С. 157.
- ⁴ Монтескье Ш. О духе законов // *Антол. мировой философии в 4-х т.* М., 1970. Т. 2. С. 541.
- ⁵ Там же. С. 542.
- ⁶ Макиавелли Н. *Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве*. Минск, 2013. С. 81–82.
- ⁷ *История Древнего мира*. М., 1956. С. 528.
- ⁸ Там же. С. 566.
- ⁹ См.: Шербатых Ю. *Психология страха: популярная энциклопедия*. М., 2000. С. 153.
- ¹⁰ Там же. С. 154–155.
- ¹¹ Там же. С. 155–156.

Поступила в редакцию 28.08.2013.

УДК 326.3

Л. А. ГУЦАЛЕНКО,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

СОЦИАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО КАК ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И КОСМИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Отмечается, что социальное одиночество, несмотря на его перманентность, а во многом из-за своего латентного характера впервые стало предметом исследования. Оно среди бесчисленных опосредствований между центральной ролью человека в социуме и результатами его деятельности, пожалуй, в наибольшей степени скрыто под различными наслоениями. Это и социальные общности, и институты, и процессы, и отношения. Однако они, как, впрочем, и другие образования, могут маскировать, но не отменять ведущую социотворческую роль индивида, которая раскрывается автором как в позитивных, так и негативных вариантах, т. е. прежде всего в соответствующих альтернативных проявлениях социального одиночества. Подчеркивается, что индивиды и их традиционные локальные формы социального окружения – группы, коллективы, кластеры – включаются в разного рода глобальные объединения и процессы. А все это вместе взятое так или иначе вовлекается в контакты человечества с космической средой, к сожалению, пока еще малоэффективные. Вытекающие отсюда противоречия также нашли отражение в данной статье.

Ключевые слова: человек; социальное одиночество; индивидуальное; коллективно-групповое; глобально-космическое; позитивное и негативное социальное одиночество.

It is the first time that social loneliness despite its permanent character has become the subject of research. The reason for it is not that it lacks actuality but mainly because of its latent character. It is hidden under various developments among numerous mediations between the central role of man in society and the results of his activities. These developments such as social communities, institutions, processes and relationships may mask other establishments but not abolish the leading socio-creative role of an individual. The role is identified by the author in its both positive and negative versions, i.e. first of all, in corresponding alternative manifestations of social loneliness. Underlined is an increased significance of the considered issue nowadays. At present individuals and their traditional local forms of social environment – groups, collectives, clusters are included into various global associations and processes. All this combined together is in any case engaged in the mankind's contacts, being ineffective yet, with the cosmic environment. The following contradictions are also considered in the article.

Key words: man; social loneliness; individual; collective-group; global-cosmic positive and negative social loneliness.

Подобно бесконечному разнообразию и амбивалентности самого сложного феномена познанной и еще не познанной реальности, т. е. самого человека, столь же неисчерпаем и парадоксален набор проблем его исследования. Сегодня важнейшей особенностью социальной транзитивности является превращение индивида из субъекта локального жизненного пространства в субъекта глобального мирового пространства. Актуальной стала проблема диалектики интеграции и дезинтеграции внутри и вне его различных начал. Речь идет прежде всего о тех антропологических и онтологических компонентах, которые образуют дихотомию любого отношения как единства связи и обособления. Противоречивость взаимосвязи этих сторон зачастую достигает конфликтной стадии в современной транзиции. Здесь переплетаются, перекрещиваются неопределенность, рисковость, информационно-технологическая и социокультурная патогенность (например, интернет-зависимость, замена уникальных образцов культуры стандартами шоу-бизнеса).

Соответственно, первая часть отношения – взаимосвязь – нередко превращается в стандартизацию индивидуальностей, а вторая – обособление – в самоизоляцию индивидов-одиночек. Став объектом глобального культивирования, такого рода отношения человеческих существ ничего хорошего не сулят цивилизации. Поэтому назрела необходимость изучения причин и последствий существования социального одиночества человека в основных сферах его бытия: индивидуальной, коллективно-групповой и глобально-космической. При этом целесообразно различать разновидности позитивного и негативного социального одиночества, дабы первому способствовать, а второе преодолевать. Ведь будучи по своему ценностному цензу «центром», «венцом космогенеза»¹, человек не только может оказаться в роли обособившегося для акметического взлета и реализации своих социотворческих способностей, но и в силу разных причин стать невыносимо одиноким, покинутым, оставленным, забытым...

Социальное одиночество в его индивидуальном проявлении

Социологическое знание представляет науку о взаимодействии людей². Разумеется, без этого процесса не мог бы образоваться ни социальный организм, ни его основной агент – личность. Взаимодействие обычно выражается в единстве системно-структурного и процессуально-динамического компонентов отношения. Последнее эксплицируется не только как взаимосвязь, сопряжение, но и как обособление, автономизация его субъективных и объективных слагаемых. Крайние случаи этой конфигурации и есть разновидности одиночества. Оно может избираться человеком свободно или возникать вопреки его интересам и воле.

Действительно, в самом индивиде, как участнике стихийно или осмысленно образованных исторических форм существования людей, имплицитно заложена способность «наводить мосты» между собой и средой, референтно соотносить свои мышледействия с другими социальными партнерами³. Кстати, своим концептом о личности как о первичном социальном атоме⁴ М. Вебер не несет ответственности за возникший впоследствии термин «атомизация общества». В отличие от парадигмы классика этот термин означает распад по различным причинам социальных связей и дискретность взаимодействий между членами общества. В результате образуется определенная разновидность негативного социального одиночества.

Лежащие в основе социальных взаимодействий людей отношения связей и обособленности выражают присущую человеку противоречивость его природы. Так, Э. Фромм, внесший большой вклад в изучение этой проблемы, подчеркивал: «Человек одинок и в то же время связан с другими. Одинок в той мере, в какой он уникальное существо, не тождествен никому и осознающее себя отдельной особью. В то же время он не может перенести одиночество, обособленности от ближних, дальних, живущих в настоящем, прошлом и будущем»⁵.

В современном мире более развитые социумы в процессе преемственного наследования удерживают преимущественно атрибуты обособленности, т. е. совершенствуют формы политической, экономической и духовной свободы. Менее развитые социумы в данном процессе противоречиво сочетают авторитарные способы взаимосвязи и демократические нормы обособления личности в диапазоне различных свобод ее социального самоопределения.

Так, многие проявления тревожности, неуверенности – признаки ненадежности социальной ниши – чаще встречаются у аутсайдеров и реже у «продвинутых» обществ. В частности, замеры общественного сознания в ведущей стране СНГ – России – свидетельствуют о возрастании ощущения тревожности. Причем по поводу удовлетворения не каких-либо второстепенных, а насущных витальных и социальных

потребностей. Иными словами, на первый план выходят заботы и тревоги, которые касаются повседневной жизни – дороговизна, повышение тарифов за коммунальные услуги... Вместе с тем обостряется тревожность в оценке личной безопасности⁶. Причем наряду с этими, во многом характерными для постсоветской реальности, объектами тревожного настроения присутствуют и те, которые волнуют большинство членов мирового сообщества. Например, состояние экологической среды беспокоит 31 % граждан России⁷.

Все более критическая экологическая ситуация угрожает оставить человечество один на один с вымершей средой обитания. Здесь стоит назвать еще одну угрозу мировому сообществу. Она подобно раковой опухоли расплзается по всему земному шару. Не только в горячих точках, но и в других странах люди ощущают явную беспомощность в борьбе с этой чумой социального происхождения. Ведь даже компетентные органы не всегда ведают, когда и где взлетит на воздух автомобиль, автобус или целый дом. И вечное абсолютное одиночество, вызванное вспышками терроризма, мгновенно изымает из жизни десятки, а то и сотни людей.

Трудность классификации видов угроз социального одиночества в том, что среди них есть немало таких, которые однозначно не отнесешь к социально-негативным явлениям. Хотя они могут приносить ощутимый вред не только отдельным людям, группам, но и всему человечеству. Речь идет о техногенных и технологически информационных компонентах исторического процесса. Так, чернобыльский синдром дает о себе знать всякий раз, когда речь заходит об использовании ядерной энергии. Еще более катастрофичным представляется военный потенциал этой энергии, от которого не готовы отказаться ряд крупных государств.

Весьма деликатной представляется такая форма превращения реального общения, взаимодействия людей в виртуальное их разобщение, в обезличенных, одиноко блуждающих в некоем лабиринте, никогда не встречающихся друг с другом одиночек. Здесь можно назвать многие виды «поглощения» индивида электронным пространством.

Примечательным в этом отношении приобретением прогресса является интернет. Вместе с колоссальным расширением познавательных возможностей людей, их коммуникации во времени и пространстве, в работе и на досуге, он существенно ограничил непосредственное их общение (вербальное, эмоциональное, физическое). Что касается электронных сетей вообще, то они все больше напоминают своеобразную толпу, в которой субъекту невозможно сохранить собственную индивидуальность, уникальность, идентичность, независимость, свободу, способность к рефлексии, самоутверждению и самореализации. Какая может быть самореализация в нереальной виртуальной среде с населяющими ее виртуальными субъектами, симулякрами, имитирующими подобие живых конкретных людей?

Отмечается, что в интернет-пространстве необязательно быть самим собой. Можно создать любой образ, «дружить» с теми, с кем никогда не познакомишься, не встретишься в реальности. Правда, «это помогает компенсировать чувство одиночества. Далее, могут ли 350 приобретенных таким образом друзей поддержать, когда будет необходимо? Невозможность выйти в любой момент в интернет вызывает сильную тревогу потери этих социальных связей, которые принимаются за реальные. Тогда мы остаемся в одиночестве»⁸. А это чувство для многих катастрофично. Попытка же наладить практические контакты с этими мифическими персонажами приводит к мучительному разочарованию. Человек снова и снова повторяет неудачные попытки избегнуть разочарования, депрессии. И эти неудачи переживаются «не менее болезненно, чем одиночество, скука, страх или тревога»⁹.

Дело в том, что многие молодые люди сегодня рабочий день начинают с просмотра ленты в социальных сетях, не выпуская из рук телефона и ноутбука. Значительная их часть по инерции в свободное время продолжают общение с друзьями онлайн, а не в реальности. Вот признание Лизы (возраст 24 года). «Я всего лишь подстраивалась под особенности современного мира и не заметила, как выпала из реальности. Внезапно осознала: виртуальная жизнь очень страшна. Особенно когда замечаешь, что проводишь онлайн все свободное время. Там словно все ненастоящее, неживое. Я хотела бы быть человеком, а не роботом. Потому и обратилась за помощью к психологу»¹⁰.

Лизе повезло. Она, хотя и с некоторым опозданием, почувствовала отклонения от нормального образа жизни, начальную стадию интернет-зависимости. Некоторые, оказавшись в подобной ситуации, пытаются продолжить самостоятельные попытки избавиться от чувства одиночества. Но вынуждены прибегать к тому же лекарству, от которого болезнь практически усугубилась, – интенсификации виртуального спо-

соба общения с окружающим миром. От безуспешных попыток преодолеть опасный синдром, согласно наблюдению специалистов, человек погружается в состояние аддикции. Оно ведет к полному подавлению индивидуальности, демобилизации усилий индивида избавиться от тяжелой социально-психологической травмы.

Для преодоления самоизоляции личности не рекомендуется использовать прямые процедуры как со стороны попавшего в беду, так и психотерапевта, близких людей. Иными словами, чтобы не загонять болезнь внутрь, рекомендуется способ избавления от недуга одиночества, когда попыткам его непосредственного лечения предшествует психотерапия, социотерапия и психофармакологическое дополнение. В частности, Лизе была рекомендована программа, включавшая в себя игровую составляющую (танцы), спортивную (фитнес), творческую (своеобразный кондитерский дизайн). Возвращение в мир реальных людей и предметов не заставило себя ждать. Вскоре девушка сообщила, что с огромным удовольствием преподнесла своему бойфренду собственноручно приготовленный, весьма похожий на цветок, шоколадный торт.

Так человек отдалился от опасной черты, за которой рискует превратиться в человека-машину (Ж. Бодрийяр). Действительно, такая угроза в век глобального насыщения социального пространства технико-информационными конструктами постоянно расширяет зону социально вредного воздействия. Машины и механизмы все больше берут на себя различные функции человека в его познании, труде, быту, общении и частично даже в интеллектуальном творчестве (эксперименты в области искусственного интеллекта). Дело принимает такой оборот, что люди нередко общаются чаще с техническими устройствами, чем с другими людьми. Тем самым они раздвигают масштабы изоляции собственной и других индивидов.

Хочется верить, что механизация, информатизация, технизация, компьютеризация, социальная атомизация в обстановке внутренних и внешних конфликтов современных социумов не угрожает им обезличиванием и безлюдьем. В частности, авторитетный исследователь проблем антропологии П. С. Гуревич считает необходимость присутствия людей в полноценном человеческом окружении важнейшей социогенной потребностью. Как бы ни развивалась компьютеризация, она не может устранить нашей потребности видеть живое, телесное существо¹¹.

Вместе с тем наряду с тенденциями цивилизационных процессов, порождающими рецидивы социально-психологического одиночества, неизменно существует потребность в позитивном одиночестве. При этом наблюдается вполне осмысленное обособление общественно ориентированных интеллектуалов, да и рядовых граждан, желающих, как говорится, отдохнуть от мирской суеты. По мнению А. Маслоу, «самоактуализирующиеся люди, вне всякого сомнения, могли бы пребывать в одиночестве, без всякого ущерба для себя и без ощущения дискомфорта. Более того, практически все они любят уединение...»¹².

Весьма впечатляющим примером подобной самоактуализации индивида может служить жизненный и научный подвиг И. С. Кона. Он исследовал почти в четырех десятках монографий сложнейшие проблемы человеческого феномена. Имея в виду смертно изданную книгу ученого «80 лет одиночества», Д. Н. Рогозин подчеркивает: следует различать оставленность и уединенность. Первое приводит к депрессии, второе воссоздает человека, охраняет от внешних угроз его предназначение, позволяет реализоваться. В этом ракурсе «одиночество может рассматриваться не столько как проблема, сколько как оправданный выбор, позволяющий создавать новые смыслы, претендующие не просто на новизну и оригинальность, а дающие возможность оставаться самим собой и не поддаваться под конъюнктурные изгибы окружения»¹³.

В нетипичной для советского ученого биографии И. С. Кона противоречиво, парадоксально сочетались позитивное и негативное социальное одиночество. Первое проявилось в гуманистическом по своей ценностной установке учении о доминирующей роли личности в социальном конструировании реальности, второе – в том, что он безнадежно оставался в меньшинстве среди коллег по цеху.

Одиночество индивида в коллективно-групповой общности

В зависимости от масштабов и профиля коллектив и группа могут взаимно включать друг друга. Поэтому будем исходить из схожих моментов, характерных для их субъектов в разрезе рассматриваемой здесь проблемы. Начнем с того, что оставить навечно в истории свои имена посчастливилось лишь немногим. Но это несколько не значит, будто история в каких-то своих, даже в самых незначительных моментах, могла быть безымянной. В таком смысле ко всем ее участникам можно отнести следующее положение: «...Именно человек является творцом и главным действующим лицом и политики, и экономики, и культуры»¹⁴.

Вполне логично структурообразующее начало, в качестве которого по отношению к социальной онтологии выступает человек, считать и основным детерминирующим фактором. Однако сторонники реализма, а именно один из наиболее видных их представителей – Э. Дюркгейм, признавал такую роль только за «социальными фактами», т. е. установленными группой верованиями и нормами¹⁵. Реанимирование в XX в. общинной коллективно-групповой собственности повлекло за собой абсолютизацию коллективности на всех уровнях, во всех сегментах социального пространства.

В обстановке тотальной заорганизованности человек оказался буквально «разобранным» между партийными, профсоюзными, молодежными, детскими и многими другими общественными, формальными и неформальными организациями. Каждая из них не вносила в ценностный мир личности ничего нового, кроме типового, марксистско-ленинского мировоззрения. Как в труде, так и в быту акцент делался на коллективно-групповых формах деятельности. Надличностное довлело над индивидуальным настолько, что человеку, за редким исключением, просто невозможно было остаться наедине с собой, подумать о чем-то сугубо индивидуальном, душевном, сокровенном. Вместо внутреннего, да зачастую и внешнего диалога с людьми, безраздельно через СМИ, агентов официальных органов, организаций и социальных институтов доминировал монолог. Исходящий от обезличенного коллективно-группового агента, он по существу превращал в социального анонима-одиночку и коммуникатора, и реципиента.

Подобный вариант растворения индивидуального бытия в общественном, а фактически в коллективно-общинно-групповом предвосхитил писатель Евгений Замятин в своей социальной антиутопии – романе «Мы». Здесь представлена гипероптимальная организация безликой массы человеческих существ. Вместо имени каждому присвоены номера. «Нумеры», как их тут официально называют, шествуют строем на работу и обратно.

Придерживаясь позиции объективности, необходимо отметить, что иллюзорность социального комфорта коллективности имеет место в условиях не только общественной, но и частно-капиталистической собственности. Эту ситуацию обстоятельно исследовал в своих работах Э. Фромм. Согласно его наблюдениям порой включение индивида в ту или иную социальную микро-, а тем более макрогруппу мотивировано их видимой устойчивостью, надежностью, обещанием стабильности и защищенности претендента на членство в ней. Человек, по каким-то причинам социального или психического порядка, испытывающий неудовлетворенность своим положением, пытается бежать от переживаемого им внутреннего беспокойства. Без остатка погружается в дела, которыми занято корпоративное сообщество. Разумеется, с еще большим удовольствием погружается в организуемое здесь привлекательно-развлекательное времяпровождение. Он даже может попытаться отрешиться от своей свободы и превратить себя в инструмент внешних сил, топя свое «Я» в окружающей среде¹⁶. Однако дойдя до этой черты, человек нередко начинает осознавать тщетность надежды на удовлетворенность от жизни, обменяв индивидуальную свободу на слияние с социальной группой.

Думается, в определенной степени понять воспроизведенную выше ситуацию поможет истолкование, в частности, Ф. Теннисом принципиального различия между общностью и личностью. Хотя он квалифицировал внутренние связи между членами общности как органические, тем не менее подчеркивал: входящий в нее конкретный индивид – естественная личность, а общность как таковая – лицо искусственное¹⁷.

Отсюда вытекает вывод: во-первых, скорее действительное детерминирует, определяет искусственное, а не наоборот; во-вторых, если личность, переживающая драму социального, психологического одиночества, включается в какое-либо коллективное сообщество, то, перекладывая на других миссию спасения от недуга, явно рискует. Ведь даже в медучреждении предусмотрено для успешного излечения соблюдать принцип плацебо-эффекта, т. е. максимальную мобилизацию всех физических и духовных сил самого пациента. Терпящий жизненное крушение взрослый социальный одиночка – не ребенок, ставший объектом социального сиротства и переданный на попечение в приемную семью. Добровольно став субъектом коллектива, он продолжает нести основную ответственность и нагрузку за избавление от одиночества, ожидая и от других солидарной поддержки и помощи.

В целом же Ф. Теннис несколько погрешил, когда склонен был во всех бедах обвинять общество, социальные институты, государство, соответственно идеализируя общность. По его мнению, в ней, особенно в кровном союзе, все искренни, тогда как в обществе много лицемерия, каждый думает о себе¹⁸. Однако если в социальном

масштабе каждый только и занят тем, что печется о себе, то в такой крамоле надлежит попрекать скорее не общество, а входящих в него, да будет позволено их так назвать, сообщественников, если хотите, соотечественников, сограждан. Ведь общество в его происхождении, содержании не с неба упало, несамодовлеющий субстрат. Оно производно и снизу, действиями и взаимодействиями субъектов, и сверху – зависит от компетенций государства, главенствующего социального института. Но что представляет собой государство в его истинной, очищенной от разного рода мистификаций сути, как не совокупность чиновников, ранжированных, в зависимости от полномочий, на высших и низших?

О том, что принцип «каждый думает о себе» может перемещаться с общества на общность и обратно, свидетельствует проникновение в постсоветскую социальную реальность либерально-собственнической стихии. Здесь добровольный характер деятельности в отношении себя «есть как раз несвобода или самопринуждение коль скоро внешнее принуждение и нужда этот характер разрешает»¹⁹. Некоторое ослабление внешнего принуждения, которое превалировало в советскую эпоху, ныне под воздействием рыночной психологии в определенной мере компенсируется самопринуждением, а внешняя социальная изоляция в группе – его самоизоляцией. При этом, как свидетельствовало мониторинговое исследование под руководством Ю. А. Левады, обнаруживалась своеобразная двойная изоляция и самоизоляция индивида. Иными словами, происходило дистанцирование человека от внешнего социального окружения и одновременно от прошлого – зачастую искусственно навязанного, уравнительного социалистического коллективизма.

Одновременно, хотя власть и стала опираться в основном на функционера нового, меркантильного плана, но официально продолжала декларировать архетип «человека упрощенного, группового заложника»²⁰. Видимо, в таком варианте отразилась трансформация участника социалистического коллектива в участника корпоративной общности на этапе перехода социума к рыночным реалиям. Поэтому стоит напомнить характеристику ведущей черты субъекта корпоративного типа в понимании бизнесмена и автора книг по управлению персоналом Джеффри Фокса. Сотрудник компании должен быть ее идеальным патриотом во всем, что хоть каким-то образом касается интересов фирмы, в которой он работает²¹. Здесь даже намек нет на то, что помимо каждой фирмы существует еще многоструктурный социум, индивидуальные и коллективные субъекты которого прямо или косвенно в прошлом и настоящем так или иначе своим трудом создают условия, в которых данная фирма может более или менее нормально работать. При всем значении самоотверженного служения своему рабочему коллективу предосудительно весь диапазон гражданского патриотизма сводить к интересам и ценностям какого-либо коллективно-группового объединения.

Противопоставление одних социокультурных стереотипов, представлений другим встречается и в более широком, ментально-этническом контексте. Так, в восточно-славянском менталитете ощутимо влияние соборности, коллективно-группового сознания, в определенной степени несоразмерного с осознанием личностью своей самоценности. Но ведь без основательного понимания этой социогуманитарной константы человека ему и всем агентам его социализации не на чем формировать комплекс важнейших социально-субъектных качеств. «Как на нормативном, желательном уровне, так и в самоощущении белорусы, – подытоживает многолетние исследования проблемы белорусский социолог В. В. Кириенко, – отличаются от поляков, литовцев, немцев, американцев повышенным коллективизмом»²². Само по себе это не так уж накладно.

В данной же ситуации возникает опасность значительного сокращения субъектно-персонального присутствия человека в социальном пространстве. В итоге резко нарушается баланс между результатами коллективного действия и мерой личной ответственности за них. Не этим ли объясняются многие трудности социального транзита Беларуси при переходе к рынку, особенно к конкурентоспособной экономике, которая, кстати, исключительно чувствительна именно к персональной пассионарности ее субъектов. Вот почему мы полностью разделяем мнение В. В. Кириенко о том, что ничем не ограниченное коллективное ощущение у восточных славян легко трансформируется в свою противоположность – круговую поруку, коллективную безответственность.

Необходимо указать еще на одну, не менее зловредную дихотомию, вызванную доминированием односторонне сложившегося и функционирующего коллективизма. (Мы здесь не касаемся коллективов различных типов, видов.) Люди, испытывающие социально-психологический дискомфорт, могут по различным причинам оставаться в том или ином формальном либо неформальном объединении продолжительное время. При этом речь идет не только о замкнутых интерналах, но и об абсолютно замкнутых

на себе нарциссах. Названный выше тип коллективизма часто ведет к тому, что личные контакты почти полностью вытесняются служебными, личное мнение – инструкцией, сопереживание – показным единодушием. Многие здесь остаются одиночками и поэтому не добавляют в общий результат работы коллектива ту долю труда, которую можно получить от каждого при его активном участии в общем творческом порыве.

Одновременно следует учитывать такие проявления одиночества, от которого индивид не в состоянии избавиться ни при каких обстоятельствах. На один из них указывал, в частности, президент Международного общества экзистенциального анализа и логотерапии А. Лэнгле. По его убеждению, «тот, кто не может быть один, истинно одинок – ушел от себя или себя не находит»²³. Говоря иначе, среди жертв внешнего и внутреннего отчуждения и самоотчуждения можно выявить этакого «кочующего» одиночку. К нему можно отнести ироническую реплику Э. Фромма: «некоторых преследует страх остаться наедине с самим собой потому, что таким образом он окажется в плохой компании»²⁴. Так что прежде, чем даже не фактически, а сугубо символически «убегать» из коллектива, особенно не первого по счету, не лишне хорошо подумать, в каком пространстве будет сподручнее: социокультурном или индивидуально-личностном.

Проблема социального одиночества в глобально-космическом пространстве

Как известно, по многим важнейшим проблемам сущности человека и его бытия мыслители Древнего мира высказывали прямо-таки потрясающие по своей провидческой истинности предположения. Все их так или иначе пронизывает идея универсализма. Это касается как природы самого человека, так и его претензий на активное пребывание в планетарно-космическом пространстве. Среди гениальных озарений, не обозначенных, как это характерно для мифов, именем конкретного автора, встречаются все три названные ипостаси. Подобные ассоциативные параллели просматриваются, например, в древнеиндийском мифе о первочеловеке Пуруше. Все части его тела, органы перевоплотились в соответствующие компоненты мироздания²⁵. Что касается пришедшей на смену мифологии философии, то соотнесенность антропологического и космического начал отчетливо прослеживается в идеях античных мыслителей, точнее в натурфилософии. Одним из первых объединил универсальное и индивидуальное, космическое и антропологическое Демокрит в своей лапидарной формуле: человек есть Микрокосм. Затем Протагор существенно уточнил ту роль, которую играет человек в Универсуме, превращая Хаос в упорядоченный Космос. Этого он добился, выдвинув свое знаменитую формулу «Человек – мера всех вещей»²⁶.

Кстати, наиболее яркий представитель всемирного философского сообщества – Гегель – высоко оценил колоссальный познавательный-практический потенциал учения софистов и их лидера – Протагора, особенно категории «Мера» как доминирующего методологического концепта. Она вполне может претендовать на роль предмета всего философского знания, поскольку благодаря ей предоставляется возможность постижения бесконечного и противоречивого разнообразия Универсума²⁷.

В наше время соразмерность человеческой и космической универсальности приобрела актуальный познавательный-практический характер в силу следующих обстоятельств. Многие, в том числе уже рассмотренные нами аспекты социального одиночества, сегодня прямо и косвенно осложняются. Уже не отдельные индивиды в группах, коллективах, социальных общностях, социумах, а все люди во всех существующих в мире объединениях под влиянием глобализации наряду с некоторыми подвижками в обмене позитивными ценностями испытывают также дефицит равноправного, обоюдного выигрыша в этом процессе. Экономически, технологически, а то и просто конфессионально более сильные игроки навязывают остальным участникам межэтнических, межрегиональных, межстрановых и международных коммуникаций вышедший из активного употребления материальный и духовный секонд-хенд. Тем самым его обладатели отбрасываются еще дальше от маршрутов современного прогресса, затерявшись в одиночестве на периферии цивилизации. Вырвавшиеся же вперед не задумываются над тем, что нарастающие диспропорции между связью и обособлением в международных отношениях, судя по нынешнему системно-структурному мировому кризису, будут иметь более катастрофические последствия.

В научной литературе, посвященной проблеме глобализации, высказывается мнение о бесперспективности и зловредности дискриминации, которой нередко сопровождается данный процесс. «Как оказывается, все в этом мире взаимозависимо: изменения на Востоке обязательно изменят Запад. Процесс трансформации постсоветского пространства будет длиться до тех пор, пока Запад не признает, что и он должен преобразовы-

ваться вместе с Востоком в новую систему»²⁸. Но вопреки этой исторической необходимости, Запад пока не готов следовать по такому вектору. В частности, США периодически под разными дипломатическими предложениями пытаются, хотя в последнее время и не очень успешно, решать посредством коллективных военных экспедиций со своими союзниками, по сути, собственные геополитические интересы.

Пожалуй, удачнее проходит продолжающаяся поныне, уже в условиях глобализации, экспансия экономическая. Вот как рассуждает на эту тему американский эксперт Майкл Портер. Неплохим резервом пополнения прибыли богатых стран за счет... отсталых и развивающихся является использование «дешевых факторов производства», а именно: низкой стоимости рабочей силы, сырья и даже «экспорта товаров с высокой долей ручного труда»²⁹. Получается, глобализация в такой ее форме еще больше усиливает сильных, ослабляет и без того слабых, консервируя на долгие годы нищету, отсталость, оставляя их наедине со своими бедами. К чему привела такая пиратская стратегия западных джентльменов, мы хорошо видим по нынешней трагедии в африканском, арабском и других регионах мира.

Немало препятствий для формирования единой, консолидированной и динамичной мир-системы наблюдается на Востоке, в частности в его постсоветском секторе. Под видом реформ, модернизации нередко всплывают олигархические, бюрократические, авторитарные схемы в экономических, политических и других институциональных структурах³⁰.

В наше время глобального переплетения всех нерешенных проблем земного человечества оно не заметило, как повзрослело, выросло и подобно мифическому великану уперлось в космический купол. У землян должно хватить сил одновременно с решением этих проблем, а значит, и обретением новых мощных ресурсов дальнейшего прогресса добиться качественного скачка в своем существовании. Но оно может прекратиться просто по той причине, что полезные ископаемые в земных недрах истощаются, а техника их извлечения совершенствуется ускоренными темпами. Кстати, уже не мечты фантастов, а жестокая необходимость диктует землянам скорейшим образом прервать затянувшееся космическое одиночество. Это можно сделать, лишь овладев космическим «Клондайком». Кстати, весьма толковый план реализации подобного спасения человечества предложил знаменитый советский ученый академик Н. Н. Моисеев³¹. Это, конечно, хорошо, что под эгидой ООН функционирует, к примеру, такая организация, как ЮНЕСКО, которая заботится о сохранении историко-архитектурного наследия всего мира. Но не менее, а пожалуй, более важная миссия самой авторитетной организации на Земле – сохранение будущего нашей планеты для нас и поколений, идущих нам на смену.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Шарден П. Т. Феномен человека. М., 1987. С. 39.
- 2 См.: Сорокин П. А. Система социологии. М., 2008. С. 50.
- 3 См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 602.
- 4 Там же. С. 507.
- 5 Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992. С. 62.
- 6 См.: Тощенко Ж. Т. Антиномия – новая характеристика общественного сознания в современной России // Новые идеи в социологии. М., 2013. С. 275.
- 7 Там же.
- 8 См.: Кузьмина Н. Попала в сети // COSMOPOLITAN Психология. 2014. № 1. С. 73.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 72.
- 11 См.: Гуревич П. С. Магия персонификации // Психология и психотехника. № 8(59). 2013. С. 723.
- 12 Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2007. С. 196.
- 13 Рогозин Д. М. Пять книг о либеральном толковании одиночества в старшем возрасте // Психология зрелости и старения. 2013. № 2(62).
- 14 Бабосов Е. М. Человек – субъект и объект формирования и развития социальной системы // Социология. 2012. № 4. С. 3.
- 15 Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение. М., 1995. С. 20, 21.
- 16 См.: Фромм Э. Указ. соч. С. 50.
- 17 См.: Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002. С. 267, 268.
- 18 Там же. С. 85.
- 19 Левада А. Ю. Сочинения: проблема человека. М., 2011. С. 307.
- 20 Там же. С. 311.

- ²¹ См.: Фокс Джеффри Дж. Как стать генеральным директором. М., 2005. С. 93, 94.
²² Кириенко В. В. Менталитет современных белорусов: монография. 2-е изд. Гомель, 2005. С. 97.
²³ Лэнгле А. Грандиозное одиночество: нарциссизм с точки зрения экзистенциально-аналитической антропологии // Person: экзистенциально-аналитическая теория личности: сб. ст. М., 2006. С. 143.
²⁴ Фромм Э. Указ соч. С. 156.
²⁵ См.: Мифы древней Индии. М., 1975. С. 28, 29.
²⁶ См.: Секст Эмпирик. Против ученых // Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 72.
²⁷ Гуцаленко Л. А. Субъектомерная парадигма Гегеля // Философия и социальные науки. № 4. 2010. С. 50.
²⁸ Данилов А. Н. Системная трансформация постсоветского общества и новый мировой порядок // Кафедре социологии БГУ – 20 лет: сб. науч. тр. Минск, 2009. С. 71.
²⁹ Портер М. Э. Конкуренция. М., 2005. С. 386.
³⁰ См.: Гуцаленко Л. А. Социальные инновации и квазиинновации в человеческом измерении // Новые идеи в социологии. М., 2013.
³¹ См.: Моисеев Н. Н. Человек, среда, общество. М., 1982. С. 229–238.

Поступила в редакцию 14.01.2014.

УДК 316.74:001

А. В. КОМАРОВСКИЙ
(МИНСК)

НЕОВЕБЕРИАНСКАЯ КУЛЬТУРОСОЦИОЛОГИЯ ФРИДРИХА ТЕНБРУКА

Рассматривается творчество видного немецкого культуросоциолога Фридриха Тенбрука. Анализируются ключевые этапы вебероведческой работы, критика социальных наук и собственная культуросоциологическая программа (концепция репрезентативной культуры).

Ключевые слова: Макс Вебер; Фридрих Тенбрук; культуросоциология; неовеберизм; репрезентативная культура.

The article makes a focus on the works of a prominent German cultural sociologist Friedrich Tenbruck. The key phases of Tenbruck's working on Weber sociology, criticism of social sciences and his own cultural sociological research program (the conception of representative culture) are given analysis to.

Key words: Max Weber; Friedrich Tenbruck; cultural sociology; neoweberian sociology; representative culture.

Фридрих Тенбрук (1919–1994) занимает особое место в немецком и международном неовеберизме. Д. Кеслер упоминает его среди лидеров первой волны исследователей¹, чье творчество восходит еще к началу 1950-х гг. и составляет основу дальнейшей реактуализации веберовской социологии*. В русскоязычной социологии неовеберизмская дискуссия в целом и творчество Ф. Тенбрука в частности стали предметом интереса лишь отдельных историков и методологов социологии. Ю. Н. Давыдов в своих работах опирался главным образом на ключевую (для своего времени) статью Ф. Тенбрука (1975)², в то время как поздние работы (1980–90-х гг.) остались вне его поля зрения. Л. Г. Ионин обращается лишь к понятию репрезентативной культуры³, оставив без внимания другие работы по вебероведению и истории социологии. Однако, поскольку вебероведческая линия составляет фундамент собственно культуросоциологической концепции Ф. Тенбрука, анализ лишь одного из элементов творчества немецкого социолога исходно неполон. Таким образом, в данной статье мы попытались целостно проанализировать творчество автора, малоизвестного в русскоязычном социологическом пространстве.

При всем влиянии М. Вебера на становление культуросоциологического дискурса его исследовательская программа «была реконструирована и проинтерпретирована в этом контексте достаточно поздно (1960–80-е гг.)»⁴, и данный процесс вряд ли можно считать завершенным. Тем не менее это позволило целому ряду немецко-

* Отметим, что многие вебероведы демонстрируют четкую «культурологизацию» своих теоретико-методологических разработок, что соответствует духу веберовской социологии. Анализ данного феномена является ценным предметом историко-социологического анализа, однако выходит за рамки данной статьи.